DOI 10.24412/1026-8804-2024-2-83-108
УДК 001.8:327+930

Деколонизация науки и знания о международных отношениях: постановка проблемы

Виталий Евгеньевич Болдырев,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: boldyrev89@list.ru

В статье обозначается проблема деколонизации науки о международных отношениях (МО). Возникновению такой ситуации способствовало единоличное американское лидерство после окончания холодной войны. В научной сфере США, используя привлекательность своего «триумфа», опираясь на кажущуюся всесильность и объективность количественных методов и большие теории, распространили своё влияние в науке о международных отношениях на весь мир. В то же время было бы упрощением говорить об абсолютном господстве американского мейнстрима. В Западной Европе, Великобритании и даже в самих США существуют оппозиционные направления, развиваемые историками и политологами. Наиболее сильную альтернативу американской науке о МО разработали в Советском Союзе. В СССР исследования шли по четырём направлениям: большая теория, системное моделирование, прикладное страноведение, аналитические методики. Несмотря на существенные успехи, из-за сильного идеологического давления они постоянно сдерживались. Как следствие, после распада СССР ушло много времени на осмысление прежде недоступных для исследователей теорий и методологий, что способствовало трансформации мышления, его колонизации. В то же время, несмотря на вал западных, прежде всего американских идей, советское наследие в науке о МО продемонстрировало относительную устойчивость, хотя в отдельных случаях американские коллеги перехватили инициативу, сократили инструментальный разрыв или опередили российских учёных. В целях формирования более крепкого фундамента национальной науки о МО предлагается глубже переосмыслить социалистическое наследие, адаптировать отдельные западные исследования, относиться к разработке методологии как к методологическому дизайну, создать новые образовательные курсы для высшей школы и аспирантуры.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, деколонизация, теория, методология, история, США, Великобритания, Советский Союз, Россия.

Decolonization of Science and Knowledge of International Relations: Definition of the Problem.

Vitaliy Boldyrev, Institute of History, Archeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

The paper identifies the problem of decolonization of the science of international relations (IR). Its colonization was furthered by overwhelming American leadership after the end of the Cold War. Using attractiveness of the "triumph", relying on visible omnipotence and objectivity of quantitative methods and grand theories, the USA proliferated its influence in the science of international relations in the whole world. At the same time, it would be a simplification to speak of the absolute supremacy of the American mainstream. In Western Europe, Great Britain and even in the USA there are oppositional trends developed by historians and political scientists. The most solid alternative to the American science of international relations was developed in the Soviet Union. In the USSR the research was developed in four directions: grand theory, system modeling, applied country studies and analytical techniques. Despite significant success, it was constantly held back due to strong ideological pressure. Consequently, after the collapse of the USSR it took a lot of time to comprehend theories and methodologies previously inaccessible to researchers that contributed to the transformation of thinking and its colonization. At the same time, despite a huge amount of Western, first of all, American ideas, the Soviet heritage demonstrated relative stability in the science of international relations, although in some cases American colleagues intercepted the initiative, narrowed the gap or forestalled Russian researchers. In order to build a more solid foundation for the national science of international relations, it is proposed to rethink the socialist scientific heritage more deeply, to adapt certain Western studies, to treat methodology development as a methodological design and to create new educational courses for universities and postgraduate studies.

Keywords: international relations, foreign policy, decolonization, theory, methodology, history, USA, Great Britain, Soviet Union, Russia.

Вопрос деколонизации и детриумфализации науки о международных отношениях (МО) не является новым. Во многом колонизация этого исследовательского поля стала результатом последовательных обстоятельств: кризис бихевиоризма, появление вычислительных машин, снижение интереса к системным исследованиям, наконец, распад СССР и социалистического лагеря. Последнее имело наиболее пагубные последствия. Исчезновение социалистической системы привело и к фактическому исчезновению марксистско-ленинской методологии,

забвению иных разработок, сделанных в советские годы. Они становились уделом хранилищ и редко использовались исследователями по прямому назначению. Их место в России заняла западная, главным образом американская методология, на освоение и понимание которой ушло без малого три десятилетия. Более того, распад биполярной системы позволил США на волне триумфа активно распространить свою теорию и методологию не только на постсоциалистическом пространстве, но и в других частях мира.

Однако представляется сомнительным использование универсальной, вариативно ограниченной теоретико-методологической основы в науке, исследующей сложный комплекс общественных отношений, разнящихся от региона к региону, от культуры к культуре, от страны к стране. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить базовые контуры деколонизации науки о МО, которые потенциально позволят сформировать самостоятельную российскую теоретико-методологическую основу. Для этого предстоит решить следующие задачи: проанализировать основные вехи конъюнктуры, приведшей к колонизации и триумфализации; выявить западные исследовательские подходы, которые оппонируют мейнстриму; изучить ключевые тенденции советского теоретико-методологического развития; обозначить ключевые элементы процесса деколонизации.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ: ПАРАМЕТРЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Понятие «деколонизация» прямо связано с терминами «империя» и «колониализм». В последние годы исследователи стали всё больше уходить от их классических определений, обращая внимание на полиморфность и многоуровневость данных явлений. Одним из новых направлений, которое стало развиваться с началом текущего десятилетия, стала колонизация-деколонизация культурной (в том числе научной и образовательной) сферы. С учётом меняющихся подходов к базовым определениям, усложнению структуры исследуемых феноменов были использованы следующие разработки, позволяющие определить фундаментальное понимание анализируемых явлений.

Касательно осмысления феномена империи Соединённых Штатов наиболее подходящим для данного исследования представляется определение, предложенное А.Н. Богдановым. С одной стороны, он обращает внимание на стабильные параметры

имперских систем: взаимодействие «ядра» и «периферии», контроль «ядра» над внешними и внутренними делами подчинённых стран, суверенное неравенство, реализация стратегии «разделения и властвования», создание «ядром» институтов для контактов «периферии». С другой — он отмечает, что термин «американская империя» применяется для описания контролируемой Вашингтоном неформальной иерархической структуры, ограничивающей суверенитет второстепенных государств [3].

Сингапурский исследователь Д. Далэй указывает на то, что колониализм может быть не только политическим и экономическим, но и культурным, а политические институты могли замещаться иными, которые, выполняя по факту политические и административные функции, распространяли и культурное влияние, преимущественно через образование [30].

И хотя Д. Далэй пришёл к таким выводам, изучая колонизацию Филиппин Испанией, представляется справедливым распространить его подход и на научную и образовательную колонизацию, которую осуществили США к началу XXI в. По крайней мере, основание для таких рассуждений даёт закономерность, выведенная Х.-Л. К. Ба и Т. Маккеоуном. Она свидетельствует о широком использовании терминологии, пришедшей из больших теорий международных отношений (реализма, либерализма, структурализма и др.), во внешнеполитической практике Соединённых Штатов [26]. Так, необходимым для понимания американской внешней политики становилось изучение американских теорий, что в совокупности с глобальными лидерскими позициями Вашингтона способствовало их распространению по всему миру. Это можно считать формой колонизации науки о МО, которая поддерживалась за счёт научных и университетских центров, а также усилиями экспертов. Иными словами, была создана неформальная структура, обеспечивавшая существование американской империи, в одной из областей науки и образования. В её центре стояли американские учёные, создававшие большие теории, адаптировавшие под них существующие методы, а их ретрансляцией занимались учёные и эксперты периферии, вынужденные в условиях американского доминирования строить свой аналитический процесс по лекалам из США, с их учётом налаживать своё взаимодействие.

Как бы это ни показалось парадоксальным, но впервые идея о деколонизации, направленная против больших теорий и «универсальных» аналитических инструментов, несущих риск потери дисциплинарных языков, была высказана именно в США. Она принадлежит этнологам индейского происхождения, изучающим культуру американских индейцев. Группа

Ж. Кокс, оппонируя доминированию больших теорий, предложила альтернативу, основанную на равноправном и взаимоуважительном синтезе западного (по сути, доминирующего американского) аналитического аппарата, а также методов и практик, которые к нему не относятся. Для его обеспечения был предложен следующий алгоритм:

- очистка западного (американского) знания от пренебрежительного отношения к неамериканскому знанию;
- деконструкция очищенной логики;
- анализ точек зрения в рамках собственной методологии;
- сравнительный анализ позиций западной (американской) и собственной методологии;
- на основе принципиальных парных оппозиций выявление ядра собственной методологии;
- определение сферы и путей интеграции западной (американской) и собственной методологии [29].

Это показывает, что процесс деколонизации предполагает не жёсткое оппонирование или отказ от достижений западных (американских) общественных наук, но интеграцию преимуществ их и незападных (неамериканских) исследований с целью построения конвергентного знания, адаптированного под нужды конкретной науки, не размывающего фундаментальных основ каждой дисциплины.

По мнению Ж. Кокс, практическая реализация данного алгоритма должна быть сопряжена с командной работой, направленной на получение нового знания и связанную с ним разработку новых исследовательских инструментов; купированием риска обратной диффузии, который заключается в выдавливании западным (американским) знанием остального в процессе интеграции и конвергенции, фактической девальвации выше приведённого алгоритма; обеспечением суверенного в культурном смысле знания [29].

Без каких-либо претензий на полноту анализа соответствующих процессов очертим контуры проблемы деколонизации знания и науки о МО в современной России.

КОНЪЮНКТУРА АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Академические и прикладные исследования внешней политики и международных отношений в Соединённых Штатах получили активное развитие в 1940—1950-х гг. Это было связано с тем, что США закрепились в качестве одной из доминирующих сил мира, а их правительству необходимо было понимать

реализации необходим доступ к широкому кругу источников, поэтому, чем ближе исследовательница подходила к современности, тем сильнее ей приходилось акцентировать внимание на символической стороне, что, скорее, позволяет выделить культурно-цивилизационный фундамент внешнеполитических решений, чем выполнить их стройный анализ или представить прогноз.

С позиций политических наук были предприняты следующие попытки переломить ситуацию. Первая, осуществлённая Р. Таагаперой, уже упоминалась выше. Ключевая проблема современных политических исследований, независимо от того, какой более узкой отрасли они касаются, состоит в том, что математические и статистические достижения используются в отрыве от изучаемой реальности. Р. Таагапера выступает против такого подхода и считает, что математическое и нематематическое начала должны быть уравновешены и гармонизированы. Статистика и математика могут использоваться для проверки предположений, но при условии, что предположения сведены в чёткую систему с взаимосвязями, а сама система должна покоиться на прочных логических основаниях. Дополнительным условием для выполнения подобного контроля является высокая соотносимость имеющихся количественных данных с результатами качественного этапа исследования [49].

Иных позиций придерживаются сторонники структурных исследований внешнеполитического процесса США Дж. Линдсей [43], М. Гальперин и П. Клэпп [37]. Анализируя процедуры и практики принятия решений, прямо или косвенно относящихся к внешней политике, они фактически указали на необходимость привлечения приёмов других дисциплин, не имеющих ничего общего с математикой, поскольку большую роль играет не только формальная сторона, но и скрытый смысл, который вкладывают участники процесса в свои действия. Таким образом, на первый план ими был выведен микроструктурный анализ, который обеспечивает должное понимание происходящего и качественный прогноз на ближайшее будущее.

В рамках историко-политологического направления предпринимались попытки найти баланс между историческими и политологическими началами для исследования международных отношений. Ключом к пониманию разногласий, по мнению Дж. Гобсона и Дж. Лоусона, может стать общее восприятие исторического процесса. Для историков фундаментальным основанием является принцип историзма, в соответствии с которым все явления должны быть исследованы в динамике. Для политологов исторический процесс представляется совокупностью отдельных событий и явлений, которые

имеют собственное внутреннее строение, но лишены какой-либо динамики и связей с временным и событийным контекстом, что порождает проблему истории без историзма [35].

Впоследствии были предложены два механизма интеграции политического и исторического типов мышления для исследования международных отношений. Первый был описан К. и М.Ф. Эльманами, которые интегрирующую роль отводили историографии. По мнению исследователей, существуют аспекты, которые как разделяют, так и объединяют историю и политологию международных отношений. К первым они относят динамическое измерение: политологи делают акцент на обобщённой динамике, а историки анализируют конкретные случаи, которые выступают троянскими конями для политологических обобщений. Вторым они называют изучение общества и историографический анализ, которых придерживаются как историки, так и политологи. Историография здесь способна выступить источником методологии, свидетельством исследовательского опыта, интегрировать генерализованный подход политологии и частный подход истории, продемонстрировать выгоду от применения разных концепций, методов [31].

Дж. Лоусон [41] в свою очередь указал, что интеграция истории и политологии международных отношений возможна при взаимовыгодном преодолении восьми водоразделов (табл. 1), которые фиксируют разное отношение историков и политологов к организации исследования. При этом он отмечает, что движение в этом направлении необходимо, поскольку без исторического понимания международных отношений невозможно понять и сложность современного их состояния.

Таблица 1

Сравнительная характеристика истории и политологии по Дж. Лоусону

Параметр	Политология	История
Источники	Вторичные	Первичные
Задачи	Выявить повторяемость	Акцент на случайностях
Ориентация	Найти типическое	Найти уникальное
Основное внимание	Редукция, упрощение	Комплексность, сложность
Масштаб	Аналитический	Временной
Причинность	Трансисторическая	Связанная с конкретным контекстом
Уровень	Структура	Деятельность
Теоретические исследования	Проверка теории	Поиск причин

Сост. по: [41].

В целом общий ход мысли западных исследователей, которые находятся в оппозиции американскому мейнстриму, свидетельствует о наличии трёх принципиальных расхождений:

- математические методы не являются универсальным и единственно правильным средством исследовательского контроля;
- необходим отказ от обобщённых теорий и подходов в пользу понимания сложности международных отношений как динамического социального феномена, имеющего собственное прошлое, настоящее и будущее;
- при должной методологической организации исследования история может выступать одним из фундаментов прикладного анализа международных отношений и составления рамочных прогнозов.

РАЗВИТИЕ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СССР: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Исследование внешней политики зарубежных стран и международных отношений в Советском Союзе интенсифицировалось в 1970-х гг. Как и в случае с Соединёнными Штатами, этому способствовало широкое вовлечение в международные дела, необходимость понимать внешнеполитическую логику своего оппонента. Противостояние с США, пронизывавшее все сферы общества, создавало благоприятную предпосылку для создания собственной теоретико-методологической базы науки о МО, которая могла служить альтернативой американским разработкам, сдерживать американскую колонизацию. Потенциально значимую роль в этом могли сыграть советские союзники в Восточной Европе, имевшие давние научные традиции, а в некоторых случаях сохранившие оригинальные по меркам марксистско-ленинской парадигмы и всемирно признанные школы общественных наук. Немаловажным отличием, создававшим для Советского Союза конкурентные преимущества, было развитие политологии, истории и страноведения в тесном взаимодействии, что выступало условием для возникновения прочных междисциплинарных связей, способных ослабить противоречия и обеспечить компромисс между близкими дисциплинами, не нарушая их фундаментальной сути.

Поначалу международные исследования в СССР касались исключительно внешней политики отдельных стран. Пример анализа США как противоположного полюса показывает, что авторы были сосредоточены на функционировании органов

государственной власти — юридических основаниях, работе формальных каналов межведомственного взаимодействия [13; 21].

В то же время в течение 1970-х гг. был заложен фундамент, который позволил в следующем десятилетии советской науке о МО достичь успехов. В исследованиях МО и внешней политики отдельных государств принимал участие ряд академических институтов, создавались международные исследовательские группы, были разработаны оригинальные методики анализа и прогнозирования. Всего можно выделить четыре направления.

Первое направление предполагало создание советской теории МО, которая подразумевалась в качестве ответа на американские большие теории. И хотя в условиях идеологического давления она могла бы стать только проекцией марксизма-ленинизма на международную сферу, в её рамках было сделано несколько важных достижений. Во-первых, была показана системная картина мира, которая представляет собой совокупность универсальных подсистем, которые в каждом конкретном случае (государстве) проявляются специфически и тем самым определяют положение государства относительно других. Во-вторых, был обозначен переход к идее многополярности, в соответствии с которой в разных ситуациях определяющими могут быть не только сверхдержавы, но и другие государства. В-третьих, в ходе анализа географической и проблемной структуры мира были поставлены вопросы асинхронности исторического времени, сжатия и экспансии международно-политических пространственно-временных феноменов, интеграции временной динамики и структуры [14]. Поскольку эти аспекты выступают трансисторическими по своей сути, указанные достижения делали советскую ТМО не привязанной к отдельному хронологическому срезу, формировали потенциал адаптивности.

Представленный результат работы группы Н.Н. Иноземцева объясняется парадоксом исторического материализма, который был описан Ф.Г. Войтоловским. В тех случаях и аспектах, где он был дополнен системным методом, советские исследователи смогли преодолеть марксистский подход к идеологической проблематике и разработать оригинальную методологию, сохранявшую свою востребованность на протяжении длительного периода времени [5, с. 19—20].

Второе направление было связано с системным моделированием. В максимально чистом виде оно развилось во Всесоюзном НИИ системных исследований. В соответствии с использовавшимся дискретным подходом весь мир представлялся совокупностью универсальных подсистем, чьё состояние характеризовали динамические индикаторы, которые можно описать

с помощью математических формул. Цель исследования состояла в том, чтобы рассчитать удовлетворительную траекторию развития мира, регионов, стран с учётом существовавших тенденций и ограничений. Однако исследователями делалась оговорка, что математический аппарат может применяться только в отношении тех проблем, которые можно перевести на язык математики, и признавалось наличие таких сфер и вопросов, для анализа которых математические формулы неприемлемы [7].

В мягком виде системное моделирование применялось в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС). Его коллектив вместе с коллегами из других социалистических стран использовали расчёты для верификации политических решений, поиска оптимальных траекторий экономической, военной и внешней политики, взаимодействия социалистических стран, обеспечения благоприятного внешнего окружения для социалистического лагеря [9].

Третье направление касалось страноведческих исследований. В его рамках выделялось два меньших направления. В первом случае совершенствовалось применение структурного метода при реконструкции внешнеполитического процесса. В отличие от предыдущего этапа, акцент делался на анализе не отдельных ведомств, а крупных формальных и неформальных участников, среди которых были системообразующие органы власти, совокупности ведомств по сфере их ответственности, сторонние игроки, такие как общественное мнение и группы интересов. Однако наиболее важным стоит считать то, что была обозначена необходимость микроструктурных исследований внешнеполитического процесса, анализа роли и места неформальных связей в принятии решений [12; 17]. Во втором случае затрагивались фундаментальные культурные и цивилизационные основы (факторы) внешней политики, которые определяли мировоззренческие рамки, идейное и идеологическое постулирование внешней политики, её обоснование и объяснение [6].

Четвёртое направление было ориентировано на разработку методик прикладного анализа. Обозначим здесь лишь некоторые из них. Наиболее ранней оригинальной методикой стал ситуационный анализ Е.М. Примакова, позволявший на основе экспертных оценок провести всесторонний, предполагающий максимально возможную редукцию мышления от искусственно привнесённых конструкций анализ ситуации или проблемы как отдельного феномена международных отношений, обладающего своей логикой и структурой. Её во многом дополняет методика В.Б. Тихомирова, которая предполагает интеграцию качественного и количественного анализа ситуаций.

М.А. Хрусталев разработал методику качественного моделирования международных отношений, основанную на построении графа, который обеспечивает строгость и последовательность исследования. В этих условиях ввод новых данных, касающихся одного элемента модели, приводит к изменению ранее внесённых данных всех других элементов модели, что предотвращает её фрагментацию при изучении динамических процессов (приводится по: [4]).

Однако, несмотря на успехи советской науки о МО, имелся и ряд проблем. В качестве ключевой необходимо выделить избыточное идеологическое давление. Оно выражалось не только в теоретических ограничениях, привязывавших науку к марксистско-ленинской парадигме, но и в искусственном дозировании внешних информационных каналов. В условиях связанности политологии, страноведения и истории оно оказалось особенно пагубным: ограничивалось не только знакомство с теоретико-методологическим разнообразием западной науки, но и с достижениями исследователей из социалистических стран. Тем самым создавался обширный информационный вакуум, заимствование «нестандартных» аналитических разработок собственной и смежных дисциплин чрезвычайно затруднялось. Другой важной проблемой был аналитический нигилизм партии, которая сдерживала развитие прикладных исследований [14, с. 5—12], а там, где не получалось сдержать, блокировала их реализацию [9].

В целом это создало благоприятную обстановку для колонизации отечественной науки о МО после распада Советского Союза. С одной стороны, было велико искушение использовать зарубежный, прежде всего американский методологический и аналитический аппарат, с другой — требовалось очень много времени для его осмысления. Более того, эти процессы наложились на вымывание кадров из науки, что ещё больше замедлило ознакомление с западными достижениями, происходившее в ущерб использованию отечественных разработок.

К счастью, говорить о том, что современная российская наука о МО полностью колонизирована, не приходится. Можно отметить отдельные исследования, которые свидетельствуют о сохранении собственной традиции.

Выделяются две крупные работы, которые продолжают заложенные ещё в СССР тенденции. Первая подготовлена коллективом под руководством Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова [11]. В ней продолжается рассмотрение мира как совокупности проблем и подсистем, которые нельзя выразить с помощью математического языка, но которые имеют собственное историческое

время, а также определяют исторические времена государств и регионов. В другой работе получили развитие идеи Е.М. Примакова о полицентричности и взаимозависимости [16]. Впоследствии В.Г. Барановским был высказан тезис о необходимости адаптации термина «полицентричность» к постоянно и интенсивно меняющейся, нестабильной, обладающей сохраняющимся потенциалом неустойчивости и напряжения мировой и региональных систем МО; характер их иерархии определяется как калейдоскопический [2].

В исследовании крупных регионов советскую традицию продолжает группа В.Л. Хейфеца: фактически она применила идеи В.И. Гантмана и Е.М. Примакова к исследованию Латинской Америки, а не мира в целом [15]. Ф.Г. Войтоловский на основе синтеза советской и зарубежной методологии анализировал идеологическую внешнеполитическую эволюцию Запада [5].

На страновом уровне В.В. Согрин [19] исследовал архетипы и цивилизационные факторы США, которые вполне применимы для анализа не только их внутреннего состояния, но и внешней политики. Это стало первой подобной работой в России после обозначения проблемы К.С. Гаджиевым в 1990 г. [6].

В дальнейшем проблема идеалистических оснований внешней политики раскрывалась в двух ключах. На более общем уровне её подняла И.Л. Прохоренко, используя построенную на синтезе отечественных и зарубежных разработок концепцию внешнеполитической идентичности. Под ней понимается совокупность исторически сложившегося способа существования нации и соотносимых с ним управленческих традиций, самоидентификации относительно других государств и национального стиля внешней политики как модели ответа, успешно работающего в конкретном случае [10, с. 465—469].

На конкретно-страновом уровне её проанализировал А.А. Давыдов, исследовав политику США по продвижению демократии. К преимуществам этой работы можно отнести следование идеям советской теории МО о социальном пространстве и времени внешней политики и международных отношений; сама политика рассматривалась как эволюционирующий феномен, обладающий внутренней структурой; качественная и количественная составляющие исследования гармонично дополняют друг друга [8].

Были изданы и учебные пособия, фактически построенные в соответствии со сравнительным принципом: в них рассматриваются преимущества советской и западной методологии науки о МО [4; 22].

Однако в подавляющем большинстве эти исследования были проведены, а пособия подготовлены советскими учёными или теми, кого можно считать выпускниками и членами советской системы образования и науки. Во многом эта ситуация объясняется двумя факторами: временным лагом, который продлил непосредственное влияние представителей советской эпохи, и относительной стойкостью отечественной научной школы перед лицом внешнего потока знаний, которая смогла вовлечь в свою орбиту новое поколение исследователей уже после распада СССР.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ НАУКИ О МО В США И СССР

Сравнивая американскую и советскую науки о МО, нельзя не заметить семь пар принципиальных оппозиций, которые обозначают отличия двух страновых направлений.

Во-первых, американский опыт развития свидетельствует о существовании строгой междисциплинарной связки, которая ориентирует партнёрские отношения науки о МО на одну из других дисциплин, не обязательно родственных ей самой. С советской стороны ей противопоставляется комплексный и вариативный характер междисциплинарных связей как условие развития науки о МО.

Во-вторых, вследствие первой тенденции в США фактически сложилась традиция подмены дисциплинарного языка в угоду популярным аналитическим инструментам, заимствованным из других наук, что всегда предполагает высокий риск для корневой дисциплины потерять собственный язык. Представители советской школы следовали принципу дисциплинарной экологии, который был характерен в целом для общественных наук в бывших социалистических странах (см., например: [20, с. 13—14; 52, s. 471—472]). В соответствии с ним наработки и инструментарий других наук становились важным подспорьем, позволяющим выделить новые с позиций корневой дисциплины тенденции и явления, но они не подменяли её языка.

В-третьих, на волне информатизации и вследствие двух выше названных тенденций в Соединённых Штатах произошла если не сплошная, то широкомасштабная математизация науки о МО; в СССР, наоборот, выступали за использование математических методов только в тех случаях, если состояние объекта и предмета исследования может быть выражено количественными показателями.

В-четвёртых, на волне математизации в западной (прежде всего — в американской) науке о МО произошла кластеризация исследовательского поля в соответствии с узкими проблематиками; на Востоке, в первую очередь для советской науки, было характерно выделение проблемных полей в соответствии с внутренней спецификой изучаемого феномена.

В-пятых, за океаном создание больших теорий МО предшествовало разработке политического курса, что придавало им характер конъюнктурности; советские исследователи, напротив, разрабатывали теорию МО как своего рода оппозицию официальной трактовке марксизма-ленинизма, закладывая в неё идеи транстемпоральности.

В-шестых, по замечанию западных исследователей, американские большие теории МО, созданные с учётом американского специфического опыта, обладают притязаниями на универсальность в плоскости объяснения международных событий, в какой бы стране они ни происходили. Советская же теория была ориентирована на создание базового адаптируемого теоретико-аналитического каркаса.

В-седьмых, для американских больших теорий МО характерны автаркия и самовоспроизводство как фундаментальные элементы развития. Предпринятая в СССР попытка создания теории МО, наоборот, предполагала открытость как одно из условий собственного развития.

Таблица 2

Принципиальные различия американской и советской науки о МО

Параметр	Американская наука о МО	Советская наука о МО
Междисциплинарность	Строгая связь с конкретной дисциплиной	Комплексный характер междисциплинарных связей
Отношение к языку исследования	Фактическая подмена дисциплинарного языка	Принцип дисциплинарной экологии
Отношение к количественным методам	Широкомасштабная математизация	Ограниченное применение
Дробление дисциплинарного поля	Кластеризация	Дробление в соответствии со спецификой исследуемого феномена
Отношения теории и времени	Конъюнктурность	Транстемпоральность
Характер универсальности	Универсальность теории	Универсальность адаптируемого аналитического каркаса
Развитие	Автаркия, самовоспроизводство	Открытость

В целом обозначенные выше особенности отечественной науки о МО способны выступить стартовой площадкой для деколонизации мышления. При этом нужно понимать, что время, ушедшее на осмысление западного опыта, от которого науку так оберегала цензура, упущено: в ряде аспектов западные, главным образом американские исследователи ликвидировали разрыв, а в некоторых случаях, пользуясь нашим пренебрежением, сделали шаг вперёд. После того как в середине 1980-х гг. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный [12, с. 4] обозначили необходимость перехода к микроструктурному анализу внешнеполитического процесса, это направление в России замерло. В США в 1990—2000-х гг. вышло сразу два исследования, выполненных Дж. Линдсэем [43], а также М. Гальперином и П. Клэпп [37] в рамках данного направления; в центре анализа оказались скрытые и неформальные повседневные практики. К.Б. Боришполец отмечала, что были созданы западные аналоги методики В.Б. Тихомирова (приводится по: [4, с. 136]). После распада СССР не стало запроса на глобальное моделирование — данное направление фактически угасло. В то же время в 2006 г. Д. Мидоуз [44] усовершенствовал модель «Пределы роста», которая хотя и не предполагала всеохватного глобального моделирования, но выступала американским уменьшенным аналогом советской модели «На пороге третьего тысячелетия» [7].

Как следствие, процесс деколонизации в нашем случае предполагает не только поиск собственной, альтернативной основы, но и способов сохранения и развития проистекающих из неё преимуществ.

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Как можно выйти из создавшегося положения?

Первое решение уже было проанализировано выше и связано с обращением к советскому, можно сказать и более широко, к социалистическому научному наследию. Не стоит поднимать абсолютно весь методологический массив, но необходимо переосмыслить наиболее значимые достижения не только науки о МО, но и смежных с ней, прежде всего, если брать во внимание советскую традицию, истории и страноведения. Какие из их разработок могут обеспечить самобытность научной мысли? В каком ключе они способны повысить эффективность прикладного анализа современности? Как с ними соотносятся достижения немейнстримной западной научной мысли: где

западные коллеги достигли советского задела, где его превзошли, где созданы альтернативные методологические наработки, которые можно вплести в ткань отечественной методологии? Соответственно, первая проблема деколонизации — полное преодоление сохраняющегося нигилизма в отношении собственного научного опыта, а также определение способов интеграции достижений отечественной и западной немейнстримной науки о МО.

Второе решение касается заимствования западной методологии в тех сферах, которые в отечественной науке слабо разработаны или где зарубежная наука имеет явное преимущество перед отечественной. Однако заимствование не тождественно копированию, соответствующие концепции и разработки должны пройти процедуру апробации и контрольных исследований для лучшего понимания их преимуществ и ограничений. Следовательно, вторая проблема деколонизации — отработка процедур заимствования и возможной адаптации (совершенствования) зарубежной методологии.

Третье решение предполагает разработку новой методологии на базе собственного исследовательского опыта и заимствования зарубежных разработок, которые на основе выдвинутой гипотезы помещаются в «плавильный котёл». Предполагается, что результатом «плавления» должна быть новая методология или новая концепция со своим терминологическим аппаратом, новыми методами или их специфическими интерпретациями, связанными подходами, методиками организации исследования. Соответственно, третья проблема деколонизации — создание масштабного методологического дизайна, обеспечивающего развитие исследований по воспроизводимой, повторяющейся траектории «сбор данных — их классификация и систематизация — постановка гипотезы — разработка теоретического фундамента и методологического инструментария — исследование — результаты — их осмысление».

Четвёртое решение представляется наиболее важным и фундаментальным. Оно связано с разработкой, модернизацией и внедрением в университетах (в том числе в аспирантуре) таких образовательных дисциплин, которые позволили бы освоить ключевые элементы фундаментального и прикладного мышления: методы, концепции, приёмы, исследовательские практики, дисциплинарные языки, особенности междисциплинарного мышления, алгоритмы разработки новой методологии и адаптации существующей. Безусловно, речь идёт не только о создании новых, но и адаптации преподаваемых дисциплин, разработке интегрированных и концентрических курсов. Соот-

ветственно, четвёртая проблема деколонизации — организация суверенного образовательного процесса в сфере общественных наук, основанного на отечественных методиках и направленного на формирование критически мыслящей личности, готовой не только к осмыслению фактов, но и к созданию инструментария для их анализа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 608 с.
2. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 7—23. DOI: 10.20542/0131-2227-63-5-7—23.
3. Богданов А.Н. «Американская империя» как ресурс легитимности доминирования США после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 46—55. DOI: 10.20542/0131-2227-67-1-46-55.
4. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2010. 230 с.
5. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщённость Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940—2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. 464 с.
6. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990. 240 с.
7. Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985—2030): Результаты глобального моделирования. М.: Либроком, 2009. 320 с.
8. Давыдов А.А. Прагматический идеализм: Продвижение демократии во внешней политике США. М.: Аспект Пресс, 2022. 248 с.
9. Дашичев В.И. Проект «Звезда» — в поисках выхода из холодной войны // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 120—132.
10. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
11. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014. 448 с.
12. Механизм формирования внешней политики США / под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1986. 216 с.
13. Ныпорко Ю.И. Конституционные взаимодействия президента и Конгресса США в области внешней политики. Киев: Наукова думка, 1979. 184 с.
14. Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е гг. / под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. 623 с.
15. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / под ред. В.Л. Хейфеца. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 494 с.

16. Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. 580 с.
17. Савельев В.А. Капитолий США: прошлое и настоящее. М.: Мысль, 1989. 300 с.
18. Системное моделирование и анализ мезо- и микроэкономических объектов / под ред. В.В. Кулешова, Н.И. Суслова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 488 с.
19. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 5. С. 3—22.
20. Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 580 с.
21. США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление / под ред. Ю.А. Шведкова. М.: Наука, 1972. 368 с.
22. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. 208 с.
23. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007. 557 с.
24. Allison G.T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // The American Political Science Review. 1969. Vol. 63. No. 3. P. 689—718.
25. Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition // The American Political Science Review. 1973. Vol. 67. No. 4. P. 1248—1266.
26. Ba H.-L. K., McKeown T. Does Grand Theory Shape Officials' Speech? // European Journal of International Relations. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 1218—1248. DOI: 10.1177/13540661211012060.
27. Blair G., Cooper J., Coppok A., Humphreys M. Declaring and Diagnosing Research Designs // American Political Science Review. 2019. Vol. 113. No. 3. P. 838—859. DOI: 10.1017/S0003055419000194.
28. Cohen M.D., March J.G., Olsen J.P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17. No. 1. P. 1—25.
29. Cox G.R., FireMoon P., Anastario M.P., Ricker A., Escarcega-Growing Thunder R., Baldwin J.A., Rink E. Indigenous Standpoint Theory as a Theoretical Framework for Decolonizing Social Science Health Research with American Indian Communities // AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 460—468. DOI: 10.1177/1177180121104201.
30. Dulay D. The Search for Spices and Souls: Catholic Missions as Colonial State in the Philippines // Comparative Political Studies. 2022. Vol. 55. No. 12. P. 2050—2085. DOI: 10.1177/00104140211066222.
31. Elman C., Elman M.F. The Role of History in International Relations // Millennium. Journal of International Studies. 2008. Vol. 37. No. 2. P. 357—364.
32. Enelow J. A New Theory of Congressional Compromise // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3. P. 708—728.
33. Gaddis J. Toward the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 2. P. 102—122.
34. Gigerenzer G., Goldstein D.G. Reasoning the Fast and Frugal Way: Models of Bounded Rationality // Psychological Review. 1996. Vol. 103. No. 4. P. 650—669.
35. Gobson J., Lawson G. What is History in International Relations? // Millennium. Journal of International Studies. 2008. Vol. 37. No. 2. P. 415—435.
36. Graham M. Presidents' Secrets. The Use and Abuse of Hidden Power. New Haven; London: Yale University Press, 2017. 258 p.

37. Halperin M.H., Clapp P.A. Bureaucratic Politics and Foreign Policy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2006. 400 p.
38. Horowitz M., McDermott R., Stam A.C. Leader Age, Regime Type, and Violent International Relations // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49. No. 5. P. 661—685. DOI: 10.1177/0022002705279469.
39. Kanheman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263—292.
40. Kiewiet R.D., McCubbins M.D. Presidential Influence on Congressional Appropriations Decisions // American Journal of Political Science. 1988. Vol. 82. No. 3. P. 713—736.
41. Lawson G. The Eternal Divide? History and International Relations // E-International Relations. May 19, 2013. URL: https://www.e-ir.info/pdf/38082 (дата обращения: 15.09.2020).
42. Lindblom C.E. The Science of "Muddling Through" // Public Administration Review. 1959. Vol. 19. No. 2. P. 79—88.
43. Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1994. 228 p.
44. Meadows D., Randers J. Limits to Growth. The 30-Year Update. London; Sterling: Earthscan, 2006. 338 p.
45. Neustadt R.E. Presidential Power. The Politics of Leadership. New York; London: Wiley, 1960. 254 p.
46. Politics in the Developing World. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 537 p.
47. Saramago A. Post-Eurocentric Grand Narratives in Critical International Theory // European Journal of International Relations. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 6—29. DOI: 10.1177/13540661211058797.
48. Simon H.A. Human Nature in Politics: The Dialog of Psychology and Political Science // The American Political Science Review. 1985. Vol. 79. No. 2. P. 293—304.
49. Taagepera R. Science Walks on Two Legs, but Social Sciences Try to Hop on One // International Political Science Review. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 145—159. DOI: 10.1177/0192512116682185.
50. The Globalization of World Politics. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 636 p.
51. The New Geopolitics of Southeast Asia. London, 2012. URL: http://www2.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/SR015.aspx (дата обращения: 12.01.2013).
52. Topolski J. Metodologia historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. 612 s.
53. Walker S.G. The Evolution of Operational Code Analysis // Political Psychology. 1990. Vol. 11. No. 2. P. 403—418.

REFERENCES

1. Alekseeva T.A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy kak politicheskaya filosofiya i nauka* [Theory of International Relations as Political Philosophy and Science]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019, 608 p. (In Russ.)
2. Baranovskiy V.G. Novyy miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [New International Order: Overcoming or Transforming Old

Existing Pattern?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 7—23. DOI: 10.20542/0131-2227-63-5-7-23. (In Russ.)
3. Bogdanov A.N. "Amerikanskaya imperiya" kak resurs legitimnosti dominirovaniya SShA posle kholodnoy voyny [The "American Empire" as a Resource of Legitimacy of the United States' Post-Cold War Dominance]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2023, vol. 67, no. 1, pp. 46—55. DOI: 10.20542/0131-2227-67-1-46-55. (In Russ.)
4. Borishpolets K.P. *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of Political Research]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)
5. Voytolovskiy F.G. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoy Evropy transformatsiy politicheskogo miroporyadka 1940—2000-e gg*. [The Unity and Estrangement of the West: Ideological Repercussion of Political International Order Transformation in 1940 — the 2000s in the Minds of American and Western European Elites]. Moscow, Kraft+ Publ., 2007, 464 p. (In Russ.)
6. Gadzhiev K.S. *Amerikanskaya natsiya: natsional'noe samosoznanie i kul'tura* [American Nation: National Self-Awareness and Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 240 p. (In Russ.)
7. Gelovani V.A., Britkov V.B., Dubovskiy S.V. *SSSR i Rossiya v global'noy sisteme (1985—2030): Rezul'taty global'nogo modelirovaniya* [USSR and Russia in Global System (1985—2030): Global Modeling Results]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 320 p. (In Russ.)
8. Davydov A.A. *Pragmaticheskiy idealizm: Prodvizhenie demokratii vo vneshney politike SShA* [Pragmatic Idealism: Promoting Democracy in American Foreign Policy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2022, 248 p. (In Russ.)
9. Dashichev V.I. Proekt "Zvezda" — v poiskakh vykhoda iz kholodnoy voyny [The Project "Star" — in Search of an Exit from the "Cold War"]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2010, no. 2, pp. 120—132. (In Russ.)
10. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika.* Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: Individual, Society, Politics. Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, 992 p. (In Russ.)
11. *Megatrendy: Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke* [Megatrends: Main Trajectories of World Order Evolution in the 21st Century]. Ed. by T.A. Shakleina, A.A. Baykov. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014, 448 p. (In Russ.)
12. *Mekhanizm formirovaniya vneshney politiki SShA* [The Mechanism of the Formation of American Foreign Policy]. Ed. by G.A. Trofimenko, P.T. Podleshyy. Moscow, Nauka Publ., 1986, 216 p. (In Russ.)
13. Nyporko Yu.I. *Konstitutsionnye vzaimodeystviya prezidenta i Kongressa SShA v oblasti vneshney politiki* [U.S. President and Congress Constitutional Interactions in Foreign Policy]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, 184 p. (In Russ.)
14. *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: Opyt IMEMO v 1970-e gg.* [Foundations of the Theory of International Relations: IMEMO Experience in the 1970s]. Ed. by N.N. Inozemtsev. Moscow, Aspekt Press Publ., 2022, 623 p. (In Russ.)
15. *Ot bipolyarnogo k mnogopolyarnomu miru: latinoamerikanskiy vektor mezhdunarodnykh otnosheniy v XXI veke* [From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st Century]. Ed. by V.L. Kheyfets. Moscow, Politicheskaya Entsbclopediya Publ., 2019, 494 p. (In Russ.)

16. *Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in the Polycentric World]. Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011, 580 p. (In Russ.)
17. Savel'ev V.A. *Kapitoliy SShA: proshloe i nastoyashchee* [U.S. Capitol: The Past and the Present]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 300 p. (In Russ.)
18. *Sistemnoe modelirovanie i analiz mezo- i mikroekonomicheskikh ob"ektov* [System Modeling and Analysis of Mezo- and Microeconomic Objects]. Ed. by V.V. Kuleshov, N.I. Suslov. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 2014, 488 p. (In Russ.)
19. Sogrin V.V. Arkhetipy i faktory tsivilizatsii SShA [Archetypes and Factors in American Civilization]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2009, no. 5, pp. 3—22. (In Russ.)
20. Sogrin V.V. *Istoricheskiy opyt SShA* [Historical Experience of the United States]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 580 p. (In Russ.)
21. *SShA: vneshnepoliticheskiy mekhanizm. Organizatsiya, funktsii, upravlenie* [U.S.: Foreign Policy Mechanism. Organization, Functions, Management]. Ed. by Yu.A. Shvedkov. Moscow, Nauka Publ., 1972, 368 p. (In Russ.)
22. Khrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of International Situations and Political Expertise]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, 208 p. (In Russ.)
23. Tsygankov P.A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of International Relations]. Moscow, Gardariki Publ., 2007, 557 p. (In Russ.)
24. Allison G.T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis. *The American Political Science Review*, 1969, vol. 63, no. 3, pp. 689—718. (In Eng.)
25. Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition. *The American Political Science Review*, 1973, vol. 67, no. 4, pp. 1248—1266. (In Eng.)
26. Ba H.-L. K., McKeown T. Does Grand Theory Shape Officials' Speech? *European Journal of International Relations*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 1218—1248. DOI: 10.1177/13540661211012060. (In Eng.)
27. Blair G., Cooper J., Coppok A., Humphreys M. Declaring and Diagnosing Research Designs. *American Political Science Review*, 2019, vol. 113, no. 3, pp. 838—859. DOI: 10.1017/S0003055419000194. (In Eng.)
28. Cohen M.D., March J.G., Olsen J.P. A Garbage Can Model of Organizational Choice. *Administrative Science Quarterly*, 1972, vol. 17, no. 1, pp. 1—25. (In Eng.)
29. Cox G.R., FireMoon P., Anastario M.P., Ricker A., Escarcega-Growing Thunder R., Baldwin J.A., Rink E. Indigenous Standpoint Theory as a Theoretical Framework for Decolonizing Social Science Health Research with American Indian Communities. *AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 460—468. DOI: 10.1177/1177180121104201. (In Eng.)
30. Dulay D. The Search for Spices and Souls: Catholic Missions as Colonial State in the Philippines. *Comparative Political Studies*, 2022, vol. 55, no. 12, pp. 2050—2085. DOI: 10.1177/00104140211066222. (In Eng.)
31. Elman C., Elman M.F. The Role of History in International Relations. *Millennium. Journal of International Studies*, 2008, vol. 37, no. 2, pp. 357—364. (In Eng.)
32. Enelow J. A New Theory of Congressional Compromise. *American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 3, pp. 708—728. (In Eng.)
33. Gaddis J. Toward the Post-Cold War World. *Foreign Affairs*, 1991, vol. 70, no. 2, pp. 102—122. (In Eng.)

34. Gigerenzer G., Goldstein D.G. Reasoning the Fast and Frugal Way: Models of Bounded Rationality. *Psychological Review*, 1996, vol. 103, no. 4, pp. 650—669. (In Eng.)
35. Gobson J., Lawson G. What is History in International Relations? *Millennium. Journal of International Studies*, 2008, vol. 37, no. 2, pp. 415—435. (In Eng.)
36. Graham M. *Presidents' Secrets. The Use and Abuse of Hidden Power*. New Haven, London, Yale University Press Publ., 2017, 258 p. (In Eng.)
37. Halperin M.H., Clapp P.A. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, D.C., Brookings Institution Press Publ., 2006, 400 p. (In Eng.)
38. Horowitz M., McDermott R., Stam A.C. Leader Age, Regime Type, and Violent International Relations. *Journal of Conflict Resolution*, 2005, vol. 49, no. 5, pp. 661—685. DOI: 10.1177/0022002705279469. (In Eng.)
39. Kanheman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 263—292. (In Eng.)
40. Kiewiet R.D., McCubbins M.D. Presidential Influence on Congressional Appropriations Decisions. *American Journal of Political Science*, 1988, vol. 82, no. 3, pp. 713—736. (In Eng.)
41. Lawson G. The Eternal Divide? History and International Relations. *E-International Relations*. May 19, 2013. Available at: https://www.e-ir.info/pdf/38082 (accessed 15.09.2020). (In Eng.)
42. Lindblom C.E. The Science of "Muddling Through". *Public Administration Review*, 1959, vol. 19, no. 2, pp. 79—88. (In Eng.)
43. Lindsay J.M. *Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore, London, The John Hopkins University Press Publ., 1994, 228 p. (In Eng.)
44. Meadows D., Randers J. *Limits to Growth. The 30-Year Update*. London, Sterling, Earthscan Publ., 2006, 338 p. (In Eng.)
45. Neustadt R.E. *Presidential Power. The Politics of Leadership*. New York, London, Wiley Publ., 1960, 254 p. (In Eng.)
46. *Politics in the Developing World*. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2011, 537 p. (In Eng.)
47. Saramago A. Post-Eurocentric Grand Narratives in Critical International Theory. *European Journal of International Relations*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 6—29. DOI: 10.1177/13540661211058797. (In Eng.)
48. Simon H.A. Human Nature in Politics: The Dialog of Psychology and Political Science. *American Political Science Review*, 1985, vol. 79, no. 2, pp. 293—304. (In Eng.)
49. Taagepera R. Science Walks on Two Legs, but Social Sciences Try to Hop on One. *International Political Science Review*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 145—159. DOI: 10.1177/0192512116682185. (In Eng.)
50. *The Globalization of World Politics*. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2011, 636 p. (In Eng.)
51. *The New Geopolitics of Southeast Asia*. London, 2012. Available at: http://www2.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/SR015.aspx (accessed 12.01.2013). (In Eng.)
52. Topolski J. *Metodologia historii*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1973, 612 p. (In Pol.)
53. Walker S.G. The Evolution of Operational Code Analysis. *Political Psychology*, 1990, vol. 11, no. 2, pp. 403—418. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 25.07.2023